

УДК 304.2

**ВЕЩЕСТВЕННО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ГРАФФИТИ
КАК ВИЗУАЛЬНОГО ОБЪЕКТА СОВРЕМЕННОЙ
УРБАНИСТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДА)**

Шипулина Наталья Борисовна

кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

*Издание статьи осуществлено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 16-13-34029 «Антропология вещи в культуре Волгограда:
среда, объекты, практики»*

Аннотация: В статье исследуются основные вещественно-антропологические и культурные смыслы граффити как специфического визуального объекта городской среды. Автором выявляются социальные модусы практик сообщества райтеров в Волгограде, выясняются параметры связи и взаимодетерминированности городского граффити-искусства с локальной городской идентичностью Волгограда.

Ключевые слова: граффити, городская уличная культура, стрит-арт, локальная идентичность, визуальный объект, среда, практики, комьюнити.

**PHYSICAL-ANTHROPOLOGICAL MEANINGS OF GRAFFITI AS A
VISUAL OBJECT OF CONTEMPORARY URBAN ENVIRONMENT
(ON THE EXAMPLE OF VOLGOGRAD)**

Shipulina Natalya Borisovna

candidate of philosophical sciences, associate professor
FGBOU WO «The Volgograd state social and pedagogical university»

*The publication of the article implemented with the financial support of RFFI,
project № 16-13-34029 «Anthropology of things in the culture of Volgograd:
environment, objects, practices»*

Abstract: In article the main material and anthropological and cultural meanings of graffiti as specific visual object of the urban environment are investigated. The author social modes the practician of community of rayter in Volgograd come to light, parameters of communication and a vzamodeterminirovannost city with local city identity of Volgograd become clear by graffiti arts.

Key words: graffiti, city street culture, street art, local identity, visual object, urbanistic environment, practitioners, community.

Исследование вещественно-антропологического статуса граффити как объекта визуальной и пространственной среды Волгограда, значимого для формирования городского уличного искусства, является частью комплексного научного исследования «Антропология вещи в культуре Волгограда: среда, объекты, практики», выполняемого на базе Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Вопрос о том, каким образом городская неформальная монументальная живопись может быть пространством формирования и воспроизводства городской уличной культуры современного Волгограда, до настоящего времени не был предметом специального изучения в социогуманитарном знании, что делает данное исследование актуальным в аспекте его проблематики.

Рассмотрим на примере современного Волгограда сущность и смыслы городских граффити в двух аспектах – как формы уличного искусства и как комьюнити – бытующих в городской среде в первом случае в качестве визуального и вещественного объекта, и во втором – в качестве движения и практики специализированного городского сообщества райтеров. В контексте разведения этих двух модусов бытования граффити нам импонирует типология, приведенная в работах современного российского исследователя А.С. Колосова, который считает, что «для лучшего понимания граффити полезно различать в данном феномене следующие две семантические категории: «общественные граффити знаки», «знаки граффити движения». Эти категории отличаются между собой по содержанию, по способам выделения целевых

аудиторий, по социальной типологии авторов» [6, с. 46]. К первому модусу относятся все виды неофициальных надписей и рисунков в общественных местах – вокзальных холлах, телефонных будках, лифтах, деревьях, скамейках, транспортных остановках, раздевалках и туалетах, школьной мебели, стенах домов, баллюстрад мостов, тюремных камер. Второй тип изображений – «тип граффити знаков, которые создаются на любой поверхности для социального признания автора граффити сообществом» [6, с. 46].

Граффити – одно из явлений более широкого направления публичного изобразительного искусства стрит-арт, отличительной особенностью которого является ярко выраженный урбанистический стиль. Помимо граффити в стрит-арт входят бомбинг, монументальная живопись, некоммерческие постеры (постер-арт), стикеры и трафареты, теггинг, каллиграфити, скульптурные инсталляции и т. п. Граффити как форма городской визуальной культуры весьма разнообразна и имеет типологическую, жанровую и стилевую специфику – существуют в качестве отдельных такие виды граффити искусства, как теггинг, бомбинг, wildstyle, кусок, трэйнрайтинг, burners, bubble letters, blockbusters, throw up's, characters и др.

Как специфическая форма искусства граффити берет свое начало с достаточно ранних этапов человеческой истории. Клоэ Мальбранш в статье «Метафизика настенного искусства», анализируя новое направление уличного искусства – граффити, сопоставляет современное настенное искусство (мураль) с такими его историко-культурными источниками и предшествующими художественными формами, как палеолитические наскальные изображения, фресковая живопись Древнего Египта, античности и средневековья, каллиграфия, и выделяет ряд специфических функций такой формы уличного творчества: 1) метафизическая; 2) концептуальная; 3) сакральная; 4) катарсическая; 5) эстетическая; 6) скриптологическая; 7) солидаризирующая; 8) контр-культурная. Французская исследовательница видит в потребности создавать муральное искусство метафизические основания: «Настенное искусство – это форма художественного выражения, которая позволяет

запечатлеть на неподвижной основе экстаз в его внешнем проявлении, через некое тело-выражение: тело приходит в движение, чтобы придать плотность душевному движению. Так индивидуальность выражает себя через изображение во имя тотальной цели – сделать невидимое видимым» [8, с. 33].

Значимой спецификой такой формы искусства, как граффити, является его недолговечность, несмотря на это его принято называть «вечной фреской – той, что будет вне времени, как наскальные рисунки в пещере Ласко, сделанные 17 тыс. лет назад на территории современной Дордони, демонстрирующие нам, что именно недолговечное искусство – самое постоянное» [8, с. 33]. При этом уникальность «вечной фрески» всегда связана с самим местом, где она нанесена на стену художником-муралистом, и особым почти мистическим образом улавливает и усиливает *genius loci* того пространства, где возникла. «Если стена благосклонна к произведению, выполненному на ней, то она защищает и хранит его <...>. Стена – недвижимая тотальность, соединенная с бегом времени, запечатленными средствами настенного искусства» [8, с. 33-34].

Поверхность с граффити всегда вписана в более масштабную материально-вещественную и антропологическую среду – в пространство города, фиксируя его локальную идентичность. Антропологическое измерение жизни города часто требует таких метафор, как «тело» и «душа», ведь город «живет», «дышит», «спит», «ликует», «скучает» и т.п. Материальное тело города легко можно уподобить человеческому телу и конкретные его элементы представить как «следы» возраста, памяти, забвения, творчества, разрушений – морщины, трещинки, раны, татуировки. К таким соматическим следам современного города вполне можно отнести граффити. «Стена – «кожный покров» города, здания или пещеры, а настенная живопись – татуаж, репрезентация концептуального пламени, горящего в сфере духа. Это песнь (*chant*) и поле (*champ*) интерференций, толкование изначальной природы человека. Стена выполняет также охранительную функцию – она сохраняет память, поскольку гравюра на ней существовала, теплота, переданная художником, также существовала <...>. У стены обнаруживается вторая

«кожа», поскольку человеческое самовыражение выходит за рамки тела и речи» [8, с. 34].

Таким образом, граффити – специфический маркер именно городской культуры, городского способа существования и сосуществования людей, «графффити становятся знаками «племенной принадлежности» в культуре каменных «джунглей»», и «город <...> оживает благодаря своим стенам», «стена с нанесенным на нее изображением становится достоянием города. Настенное искусство – это след пребывания человека, оставленный для проходящих мимо» [8, с. 35]. Не случайно эксперты в области урбанистики Антон Изюмцев и Марина Анциперова рассуждают о судьбе граффити в современных городах в ряду таких других естественных феноменов уличной культуры, как татуировка, мода, дизайн, реклама, коллекционирование, воровство [2].

Несмотря на то, что граффити является самым древним видом рисования, это, пожалуй, самая современная и демократичная интерпретация визуального искусства в городской среде. Само название граффити происходит от итальянского «царапать», а автор этого искусства называется райтером (англ. writers). Первый райтер носил кличку «Такі 183». Нацарапав на стене свою кличку, он приплюсовал к ней номер своего квартала. Это яркое свидетельство того, что граффити – урбанистическое искусство, которое плотно и органично вписано в городскую среду и является специфическим ее маркером, а иногда брэндом [1]. Так, например, творчество граффити-райтера по имени Oz и он сам являются частью идентичности и образа современного Гамбурга, и жители города часто шутят: «Гамбург без Oza – это Мюнхен» [9, с. 316-345].

Культурный и правовой статус граффити как нового вида урбанистического искусства имеет два аспекта: 1) может восприниматься и оцениваться как разрушительная практика контркультуры граффитчиков, акт вандализма по отношению к архитектуре и другим элементам городской культурной среды, общественному имуществу; 2) но может быть расценена и как позитивная новаторская художественная практика, гармонично

дополняющая традиционные декоративные способы эстетизации городского пространства.

Нанесение граффити на здания и сооружения без разрешения владельцев этих объектов трактуется в уголовном праве многих стран как вандализм – осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества – общественного транспорта или иных общественных мест (ч. 1 ст. 214 УК РФ «Вандализм»). Для того, что бы избежать ответственности, райтеру и его адвокату необходимо доказать, что в результате создания граффити никакого осквернения не произошло, а наоборот, улучшился эстетический вид объекта. Вне всякого сомнения, если граффити изображено на историческом памятнике, объекте культурного наследия или в по иным причинам не допустимом для надписей месте, то данную работу можно рассматривать как вандализм, поскольку рисунок портит вид объекта, и, следовательно, уличный художник серьезно нарушает закон. Но все же если райтер украшает своей работой неказистый забор или любое другое скучное и унылое место в городе, тем самым эстетизируя вид объекта, приручая и обживая эту часть пространства, то граффити можно расценивать как прогрессивное уличное искусство.

Над граффити-художниками постоянно нависает угроза наказания за создание своих работ в публичных местах, поэтому ради безопасности многие из них предпочитают оставаться анонимными. В некоторых странах Европы, чтобы рисовать граффити, нужно получить лицензию. Но в последние годы можно наблюдать «точки сборки» неформального городского искусства и официальной культуры, примеры включения граффити в институциональную арт-индустрию галерей, арт-рынков, аукционов [2, 7].

Как движение субкультурного и даже контркультурного сообщества уличных художников граффити складывается в западноевропейской и американской культуре в 1960-е годы и получает наибольший расцвет в 1980-е как бунтарское движение протеста против консерватизма официальной доминирующей культуры. «Слава, художественное самовыражение, энергия и мятеж – это четыре основных причины, которые стали мотивировать авторов

граффити знаков» [6, с. 47]. Сформировавшись в западной культуре, граффити движение с середины 1980-х годов начинает стремительно распространяться и в России (тогда в СССР) в рамках культуры хип-хоп (вместе с брэйк-дансом и др.), что вполне вписывалось в реформационную перестроечную социокультурную, политическую, экономическую ситуацию. С начала 2000-х гг. в России начинают проводиться первые граффити-фестивали и акции, наиболее известные из которых проводятся и по сей день – локальный фестиваль Paint Methods в Сибири, ежегодный международный фестиваль стрит-арта «Стенограффия» в Екатеринбурге и др.

А.С. Колосов предполагает, что «сегодня российская граффити сцена представляет интерпретированную кальку с Европы и США. Но в сложившейся социокультурной ситуации именно в России может произойти выделение и художественное закрепление национальных особенностей граффити, чего не проявлялось в европейской граффити среде» [6, с. 48]. Весьма возможно, что этот прогноз справедлив, но нам думается, что, помимо такой национальной специфики граффити, в России более явственной и актуальной является региональная специфика этого уличного искусства.

Если говорить о граффити в аспекте существования и культурных практик субкультур, то форма их социальной активности и бытования в городской среде прекрасно характеризует особенности региональной культуры, является показателем локальной городской идентичности. Субкультуры вообще ориентированы на изобретение новых способов взаимодействия с городской средой и самовыражения в ней, на эксперимент и апробацию инновационных социокультурных форм и, таким образом, на обновление городской культуры за счет стирания границ между официальным и неофициальным, введением и адаптацией нестандартных компонентов в русло доминирующей культуры. «В определенном смысле субкультуры – это «городские исследователи», познающие город с изнанки, снизу, сверху, изнутри. Диггеры осваивают подземное пространство города; паркурщики, трейсеры, сталкеры, байкеры, бордеры изучают наземное пространство улиц, площадей, скверов, пустырей;

роуп-джамперы исследуют городские «вертикали» – башни, вышки, мосты, высотки; руферы вглядываются в город с крыш домов; сквотеры знают неведомый всем остальным жителям город, обживая пространство его нежилых «заброшек», а лофтеры – чердаков; стрит-дансеры исследуют город в хореографических практиках; представители сообществ пейнт-болла и страйк-болла играют и состязаются в городском пространстве; граффитчики (бомберы, райтеры) покрывают городские стены новым художественно-символическим «культурным слоем»; исторические и этнические реконструкторы скрупулезно восстанавливают для себя и горожан в мельчайших деталях ушедшие, но значимые для города, исторические события или этнические традиции; стрит-эйджеры и флэшмоберы порой бросают вызов официальной культуре, стремясь выявить и творчески предъявить городу и его властям острые социальные противоречия и проблемы, требующие решения» [10, с. 112-113].

Появившиеся в Европе и США в конце 50-х и развившиеся в 60-е годы XX века субкультуры – неформальные молодежные (и не только) движения, автономные группы, представлявшие собой некий социально-культурный инвариант или даже протестную альтернативу официальной, доминирующей культуре. Обладая специфическим языком, конструируя неповторимый и узнаваемый имидж, символику, осуществляя свои особенные практики (художественные, спортивные, кулинарные, ремесленные, боевые, даже социально-политические), формулируя и отстаивая свое ценностное содержание и мировоззренческие установки, такие субкультурные сообщества выполняют чрезвычайно значимые культурные функции в жизни современных городов.

Город – феномен сложный и весьма неоднозначный. Это верно как в эмпирическом смысле, когда город представляется приезжему во всех своих противоречиях и многокомпонентности, в конкретных вещах и явлениях, фактах, так и на уровне научного осмысления города урбанистами, культурологами, философами, социологами. В этой связи весьма удачной нам видится лингвокоммуникативная метафора Мишеля де Серто, который говорит

о городской «грамматике», специфической упорядоченности городской жизни, как и всякого культурного явления. Полагаем, что одной из таких городских риторик или грамматик, значимых в городской среде визуальных текстов, являются в современном городе продукты творчества субкультур.

Современный Волгоград – это пространство осуществления культурных программ множества субкультур, неформальных движений, объединений, клубов, групп. Одна из таких субкультурных форм городской жизни – граффитчики (бомберы, райтеры). Их способы самовыражения в городской среде и взаимодействия с ней играют все более значительную роль в жизни Волгограда. В Волгограде такой вид искусства начал развиваться в середине 1990-х годов. С этого времени граффити начали появляться все чаще, стало легче достать краски, появились специальные материалы именно для такого вида искусства.

По нашим наблюдениям, основанным на теоретических и эмпирических полевых исследованиях, в сравнении с Москвой, Санкт-Петербургом, Екатеринбург, Саратовом, Самарой, искусство граффити в Волгограде развито не так мощно и разнообразно. Хотя имена отдельных райтеров широко известны в Волгограде и за его пределами (например, Филипп Козлов, автор многих высоко художественных 3Д-граффити рисунков), вряд ли можно сказать, что в Волгограде сложилось специализированное компетентное сообщество граффитчиков. И это общая характеристика развития граффити движения в российских городах. Антон Изюмцев считает, что «граффити – достаточно закрытая и самодостаточная среда. Коммуникации в первую очередь происходят внутри «посвящённых» и редко рассчитаны на широкого зрителя. Поэтому здесь эксперты и критики – сами художники. И сила чьего-либо мнения зависит лишь только от его репутации в этом сообществе. Говорить о существовании некоего экспертного сообщества неправильно. Признание такового автоматически означает уход от граффити в сторону институционального искусства. Проекция граффити на холсты уже не являются граффити. Лишь частные случаи уличного искусства, изначально нацеленные

на присутствие в галереях, могут опираться на некое внутреннее экспертное сообщество в виде арт-дилеров, коллекционеров и критиков» [2, 7].

Весьма показателен такой формат бытования урбанистического искусства граффити в Волгограде, как виртуальный мир социальных сетей. Так, например, волгоградский блогер Павел Ефанов проделал уникальную работу: используя ресурс «Google-карты», он составил для Волгограда карту городских граффити, которые приезжие и сами горожане могут использовать для фотосессий. Он пишет в своем блоге: «Все предыдущие посты своего блога я свел в один, точнее в один фотоальбом picasa с возможностью привязки фотографии к конкретной местности на карте Волгограда. По мере фотографирования других новых граффити нашего города буду добавлять их в свой альбом и отмечать на карте. Возможно, альбом будет полезен фотографам и желающим устроить фотосессию на фоне красочных молодежных рисунков на стенах и заборах. Выглядят подобные фотографии всегда достаточно ярко и необычно. Пока на карте размещены граффити от Тулака до Краснооктябрьского района, особенно богаты ими стены Центрального и Ворошиловского районов, чем дальше от центра, тем меньше вероятность наткнуться на подобные рисунки. Если Вы думаете, где можно устроить фотосессию в Волгограде, найти яркие места, то карта к Вашим услугам!» [4].

Судьба граффити как визуальных объектов городской среды в Волгограде весьма противоречива. С одной стороны, как профессиональное креативное сообщество райтеров и как направление стрит-арта движение граффити в городе сложилось и развивается. С другой стороны, у этого развития весьма прихотливая конфигурация и непростая траектория. Практически все существующие на настоящий момент виды и стили граффити встречаются в городской среде современного Волгограда на самых разных поверхностях, за исключением, пожалуй, столь популярной в Европе и США разновидности граффити рисунков, как трэйнрайтинг (граффити на вагонах поездов и электричек: top to bottom, end to end, whole car, whole train), строго наказуемого и преследуемого в России вообще и в Волгограде с его консервативно-

брутальной ментальностью в особенности. Но, наблюдая за волгоградских рисунками бомберов более или менее продолжительное время, можно уловить устойчивую тенденцию – длительное время сохраняются изображения всего нескольких типов, весьма отчетливо свидетельствующие о специфике городской локальной идентичности Волгограда:

1) Граффити патриотического содержания военно-мемориального содержания и символики, как высоко художественные (например, 3D граффити на Мамаевом Кургане – рис. 1), так и непрофессиональные и некачественные с точки зрения эстетики и мастерства исполнения (таковы, например, стены справа и слева от памятника морякам-североморцам в Ворошиловском районе Волгограда, расписанные школьниками разных образовательных учреждений города в честь 70-летию Победы в Великой Отечественной войне в 2015 году, выполненные обычными масляными и акриловыми красками в плакатной манере, представляющие собой не творческие традиционные изображения и надписи «Они победили», «Сталинград – город-герой» и др.);

Рис. 1

2) Граффити, посвященные современному Волгограду и его мирным символам (граффити с нейтрально-серьезными изображениями таких узнаваемых в городской материально-вещественной среде брендов города, как подземный трамвай, здание железнодорожного вокзала, жилого комплекса «Волжские паруса» и др. (рис. 2));

3) Граффити ироничного содержания, связанные с городом и его идентичностью (например, изображение крылатого сфинкса с Банковского мостика в Санкт-Петербурге на парапете на въезде в микрорайон Тулака с шуточной надписью «Чувак, это не Питер, а Волгоград», намекающее на желаемый имидж Волгограда как «города культуры», «культурной столицы Юга России» по аналогии с «Северной Пальмирой» – второй столицей России – Санкт-Петербургом (рис. 3));

Рис. 2

Рис. 3

4) Граффити с изображением персоналий, относящихся к традиционным общечеловеческим ценностям – основателей мировых религиозно-философских и нравственных учений (например, последние пять лет неуничтожимым остается трафаретное граффити с изображением Иисуса Христа в самом центре Волгограда в сквере между зданиями Администрации Волгоградской области и Краеведческого музея с одной стороны и зданием ДК Профсоюзов (рис. 4));

Рис. 4

5) Граффити с нейтральным лирическим содержанием (например: напольная (на асфальте) граффити-композиция Филиппа Козлова в технике 3D с названием «Коммунальная рапсодия» на Набережной 64-й армии, изображающая лежащего на провале в рабочей одежде романтически настроенного работника коммунальных служб, – собирательного сантехника – слушающего на патефоне пластинку, в роли которой выступает круглая крышка канализационного люка (рис. 5, 6));

Рис. 5

Рис. 6

б) Рекламные граффити (кафе, ресторанов, зоопарка «Трогательный», других организаций, сервисов и услуг, индивидуальных предпринимателей и частных торговцев (рис.7, 8, 9));

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

7) Отдельная устойчивая «линейка» граффити в Волгограде – это трафаретный проект «он – коммунист» (рис. 10, 11, 12, 13) с портретами Сталина (поздземный переход на перекрестке улиц Мира и Комсомольской), Эрнесто Че Гевары (ул. Рабоче-Крестьянская), Юрия Гагарина (Краснооктябрьский район), Фиделя Кастро. Популярность и долговечность этого граффити проекта в Волгограде лишний раз подтверждает то, что наш Волгоград – «это типично советский город», как довольно часто отмечают респонденты (особенно приезжие) в ответах на вопросы о городской специфике и локальной идентичности Волгограда в интервью и на фокус-группах, имея в виду консервативно, а порой радикально утверждающуюся советскую идеологию, выраженную в том числе и в визуальных объектах граффити [3].

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

К этой же констатации можно отнести и граффити с изображением кубинского флага и надписью «Революция бессмертна» (рис. 14), пафосные националистические граффити «Русь, пробудись» (рис. 15) и «Русский, хватит бухать!» (рис. 16).

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Самыми недолговечными, постоянно закрашиваемыми работниками коммунальных служб и городского хозяйства являются шрифтовые граффити самых разных стилей, не уникальные для Волгограда, похожие на аналогичные в других городах – названия и символика музыкальных исполнителей и групп поп, рок, инди, фолк и других музыкальных направлений и субкультур, имена граффитчиков и групп райтеров и др.

Большинство респондентов, участвовавших в опросах на фокус-группах и в форме глубинных интервью считают граффити-искусство формой варваризации и вандализма, уродующим «лицо» города. Волгоградские интеллигенты в интервьюированных опросах чаще всего высказываются негативно по отношению к граффити невысокого художественного качества и не имеющим определенной цели, не содержащим в себе значимой социально-коммуникативной и художественной информации, но при этом положительно оценивают те граффити, которые выполнены в рамках какого-либо социально значимого проекта, связанного с благоустройством или повышением эстетического уровня визуальной среды города (например, по улице Хиросимы есть дом с изображением разноцветных сердечек на всем торце шестнадцатизэтажного здания и другой – с изображением цветных глаз (рис. 17, 18)); с брэндированием и/или рекламой конкретного учреждения культуры

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

(например: а) граффити с композицией из людей и пегасов, украшающее вход в Агентство культурных инициатив на пересечении улиц Циолковского и Баррикадной, выделяющее это пространство из фасада типового пятиэтажного

жилого дома (рис.19); б) граффити с изображениями театральных масок, украшающие вход и выход со станции подземного трамвая «Театр юного зрителя» в Ворошиловском районе Волгограда, усиливающее внимание пассажиров к учреждению культуры, поименованному в названиях остановок городского транспорта (рис. 20, 21); в) проект «Яркий город Волгоград» (рис. 22).

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

В этом контексте вряд ли может быть удостоен такой же высокой оценки тоже своего рода граффити-проект в виде сомнительных в этическом отношении надписей в городском интерьере Волгограда: 1) текстовое трафаретное граффити на неизвестного предназначения объекте (кусок бетонной трубы) на перекрестке улицы Гагарина и проспекта Ленина возле зданий двух вузов – ВолГТУ и РАНХиГС (рис. 23); 2) второй граффити-текст нанесен на ворота во двор с проспекта Ленина на отстановке «Комсомольская» неподалеку от Театра кукол (рис. 24). Аббревиатура подписи ЛитЗК рядом с основным текстом граффити, скорее всего, расшифровывается как «Литература заключенных», которые, по видимому, причастны к изготовлению бетонного изделия в местах принудительного труда. Оба образца литературного творчества тюремных заключенных находятся в Центральном районе Волгограда, в очень многолюдных пешеходных пространствах и, как это ни странно, не подвержены уничтожению со стороны представителей городских властей или коммунальных служб. И это, видимо, тоже один из атрибутов городской идентичности, который весьма печально и стыдно констатировать,

поскольку Волгоград (своего рода Чикаго 1930-х годов) – город с развитой преступностью, сложно и прочно взаимодействующей с бизнес-сообществом города и его управлением.

Рис. 23

Рис. 24

В результате проведенных фокус-групп и опроса в форме глубинных интервью было выявлено, что 7,2 % опрошенных безразличны к граффити, только 6,5 % волгоградцев считают, что граффити портят образ города и являются вандализмом, 15 % респондентов относятся к граффити в целом положительно, 11 % опрошенных уверены, что граффити могут выступать в качестве значимого визуального достоинства городской среды, если они красивы и уместны. При этом 48 % респондентов полагают, что волгоградские рисунки граффити отличаются от образцов такой настенной и напольной городской живописи в других городах.

Таким образом, исследовав искусство и движение граффити в современном Волгограде, можно сделать ряд значимых выводов.

1) Как специфическое урбанистическое искусство граффити в Волгограде развито слабее, чем в других городах России, хотя в городе есть достаточно

большое количество качественно выполненных рисунков, но они, как и их авторы, не достаточно известны жителям Волгограда.

2) Волгоградские граффити практически не исследованы в сфере современных культурологии, урбанистики, дизайна городской среды, экономики креативных индустрий, брендинга, региональной культурной политики, их изучением только начинают заниматься на любительском уровне волгоградские блогеры, журналисты, другие заинтересованные горожане на частном уровне.

3) В исследовании общественного мнения волгоградцев по отношению к граффити мы выяснили, что большинство респондентов не испытывают агрессии по отношению к этому новому городскому виду изобразительного творчества, более того, считают его перспективным для выработки новых городских брендов и привлечения туристов, для оживления уличной культуры.

4) Изучение контента социальных сетей позволило нам выявить интересный опыт и уникальную работу волгоградского блогера, на основе ресурса «Google-карты» составившего для Волгограда карту городских граффити, которые приезжие и сами горожане могут использовать для фотосессий, которую стоит продвигать и рекламировать.

5) Граффити выполняет ряд функций, важных для выявления культурной специфики Волгограда и осмысления его уникальной локальной идентичности: а) эстетико-урбанистическую функцию, украшая те элементы городской визуальной среды, которые можно условно назвать депрессивными – заброшенные недостроенные здания, разрушенные и не ремонтируемые постройки, переставшие функционировать промышленные здания, унылые серые строительные заборы, уродующие город; б) граффити включены в городскую жизнь и как новый формат визуальной среды города, в определенном смысле – это форма монументальной живописи, которая может успешно выполнять мощную социальную, идеологическую, политическую функции, эксплуатируя патриотические образы и символы, а также могут быть исполнены на законных основаниях как элемент официальной городской

визуальной культуры; в) граффити может быть опознаваемым знаком для городских фланеров, выполняя семиотическую и ориентировочную функцию в качестве навигатора и «разметки» для ориентации в городском пространстве; г) также граффити способствуют формированию специфических культурных практик и ритуалов, то есть особенного поведения горожан и приезжих с использованием граффити, например практики фотосъемки [11] с граффити на стенах домов или объемными 3Д граффити на асфальте, выполняя деятельностную, культурно-практическую и ритуальную функции; д) коммерческую функцию.

Репрезентативны в отношении выделенных функций граффити результаты проведенного интервьюированного опроса, которые продемонстрировали достаточно высокий процент положительно относящихся к граффити в городской визуально-эстетической среде не только молодых людей, но и представителей зрелого поколения волгоградцев. Это дает надежду на то, что такое урбанистическое искусство, как граффити, в Волгограде будет развиваться и в дальнейшем, приобретая все более высокий уровень в отношении художественно-эстетического качества и повышения символично-патриотического содержания, большего разнообразия по сюжетам, стилям и особенностям функционирования в жизни города.

Список литературы

1. Визуальная антропология: городские карты памяти / Под редакцией П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦЕСПИ, 2009. – 312 с.
2. Граффити и татуировка: что происходит с самыми яркими феноменами уличной культуры // [Интернет-ресурс]. Сайт FURFUR. Режим доступа: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/172003-graffiti-i-tatuirovka>. Дата обращения – 14 ноября 2017.

3. Иванова Елена. В Волгограде на стенах домов рисуют портреты коммунистов Гагарина и Че Гевары // [Интернет-ресурс]. Режим доступа: <http://v1.ru/text/newsline/190312614187008.html>. Дата обращения – 27 сентября 2017.
4. Карта граффити Волгограда. Места для фото сессии в Волгограде // [Интернет-ресурс]. Блог Павла Ефанова. Режим доступа: <http://pe2x.ru/127> Дата обращения – 12 декабря 2015 г.
5. Колосов А.С. Граффити-культура в культуре современной России: Дисс. на соискание ученой степени кандидата культурологии, специальность 24.00.01 – теория и история культуры. – Москва, 2015. – 154 с.
6. Колосов А.С. История движения граффити и его современные российские особенности // Вестник славянских культур. 2012. № XXV. Том 3. – С. 45-49.
7. Кузовенкова Ю. А. Диалектика музея и улицы сквозь призму становления стрит-артиста // Международный журнал исследований культуры. № 3 (24) 2016. – С. 58-67. [Интернет-ресурс]. Режим доступа: www.culturalresearch.ru. Дата обращения – 21.11.2017.
8. Мальбранш К. Метафизика настенного искусства // Известия ВГПУ. 2011. № 3 (57). – С. 33-36.
9. Самутина Наталья. Пружинки Гамбурга: граффити-райтер Oz и невидимое сообщество видящих // Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей; под отв. редакцией О.Бредниковой, О.Запорожец. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 352 с. (серия STUDIA URBANICA). – С. 316-345.
10. Шипулина Н.Б., Марченко А.Ю., Кудрявых Е.Л. Художественная культура Волгограда: учебно-методическое пособие. ФБГОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет». – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФБГОУ ВПО РАНХиГС, 2015. – 176 с.
11. Утехин И. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города. М.: Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», Strelka Press, 2012. – 42 с.